

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ

ПРИГОВОР РОССИИ ВЫНЕСЕН И ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Президент “Фонда изучения исторической перспективы”, доктор исторических наук, иностранный член Сербской Академии наук Наталия Алексеевна Нарочницкая рассуждает о разнице мировоззрений воюющих сторон, природе этих мировоззрений, причинах конфликта, возможностях и условиях его преодоления.

— Наталия Алексеевна, сейчас, во время военных действий на Украине, мы слышим от обеих сторон, что они воюют, исполняя заповедь о любви к ближнему. Это смущает: получается, христиане воюют с христианами, пытаясь исполнить евангельскую заповедь. Так ли это, на ваш взгляд? Если нет, то в чём разница?

— Разница в том, что те, кто воюет на противоположной стороне, защищают не Украину, свой дом и своего ближнего, а глубоко антихристианские взгляды. Возьмём самых “идеологически мотивированных” с той стороны — это именно нацисты, а никакие не защитники своего народа. Посмотрите на их татуировки, на книги, которые они возят с собой... Думаете, там православные молитвословы?! Нет: содержание этих книжек и брошюр может восхитить Геббельса. Когда же видишь татуировки “бойцов за свободную Украину”, читаешь их, простите, “литературу”, приходишь к выводу, что мы имеем дело с откровенными сатанистами. Так что говорить о том, что противоположная сторона исполняет заповедь о любви к ближнему, абсолютно некорректно. Можно считать, что большая часть украинцев находится в плену антихристианской идеологии, кто-то подчиняется её носителям из страха, безнадёжности, безысходности, но мы должны признать: часть нашего народа действительно поражена той убийственной псевдорелигией, которая в своё время превратила немецкую нацию в орду убийц. И чего до сих пор немецкий народ стыдится, к своей, надо сказать, чести.

— Но как стало возможным торжество нацистской идеологии в народе, который вместе с братьями освобождал и себя, и остальные народы от фашизма?

— Это похоже на ревность Каина к Авелю, грех гордыни, толкнувший Каина на убийство брата и ставший нарицательным в христианском мире: братоубийство — это первый страшный грех человека на Земле. Именно эта иррациональная ревность к русскому миру царит сейчас на Украине. К миру,

которого им не догнать, потому что уж слишком он для их болезненно завистливого взгляда велик и силён и непреодолимо недоступен. Для них этот мир, эта отринутая часть их собственного “Я” есть препятствие для амбиции стать вместо него тем, чем стала Россия. Говорить о разумных доводах в пользу теории сверхчеловека-украинца-униата, расовой чистоты, я думаю, уже нет смысла: сначала мы смеялись над “галицийским происхождением Христа” и прочими перлами пропаганды, захватившей Украину, но сейчас не до смеха: мы видим её кровавые плоды. Мы москали, и согласно этой идеологии являемся “презренной помесью монголов с угро-финнами”, а они истинные арийцы. Помимо отвратительной схожести такой “теории” с расовой доктриной нацистского рейха сама “этнология” абсурдна и антинаучна. Если что где и перемешалось больше помимо мозгов идеологов, то на юге Руси: кочевники монголы как раз обосновывались именно в наших южных – степных пределах без особых препятствий. А вот север с непроходимыми лесами и снежными заносами, куда, кстати, переселялись из южнорусских земель спасаться от захватчиков русские люди, ордынцы обкладывали данью, не обосновываясь там. Благодаря переселенцам с юга Руси появилась, например, Вологда: здесь в середине XII века преподобный Герасим, пришедший из Киева, основал монастырь. Но это святые, они вряд ли рассуждали о своей “арийскости”. Страшно, что их потомки предали как их, так и самих себя. Страшно и дико.

– **Мы воюем только за возвращение своих территорий?**

– Нет, отнюдь не только за освобождение русских людей от геноцида, это противостояние более широкого масштаба. Да, мы воюем с нацизмом и сатанизмом, которых донецкий и луганский регионы открыто не признали. С нашей стороны даже при ожесточении сохранено естественное желание и стремление остаться христианином, русским человеком. И сколько мы терпели откровенные унижения, оскорбления! Когда, начиная с детского сада, детям внушают, что русские – неполноценные, агрессивные, звероподобные недочеловеки, живущие в болотах, пьющие, не умеющие ничего, кроме как захватывать чужие земли, – это надо было заканчивать.

Мало того: доказано, что НАТО готовила войну, вдоль границ наших уже были размещены боевые самолёты и летали разведчики с системами точного боевого наведения. Война – нападение на Донецк и Луганск с одновременной блокадой Приднестровья уже была подготовлена. Мы должны были ждать их удара? И не надо делать вид, будто санкции – плод “праведного гнева”, реакция “всего цивилизованного мира” на российскую “агрессию” против “свободолюбивой” Украины: все эти санкционные “пакеты” были подготовлены задолго до начала спецоперации и были нам известны в январе 2022-го. Если территория Украины превратилась в кулак для наступления НАТО на Россию, то наше противодействие вполне логично и с военной точки зрения.

Ещё к слову о разнице в идеологиях. Хоть где-нибудь кто-то с нашей стороны хотя бы раз призвал к истреблению украинцев как народа? Говорил об их неполноценности? Донецк обстреливали и убивали детей 8 лет, но разве в донецких школах учили деток ненависти именно ко всем украинцам? Разве именовали их неполноценными? Нет, но с горечью и возмущением обличали бандеровскую идеологию, отравившую украинский народ. Никогда русскому народу не были свойственны сжирающая человеческий облик спесь, чувство превосходства по отношению к другим. Даже во время Великой Отечественной подчёркивалось, что мы воюем не против немецкого народа, а против германского фашизма! Моцарта, Бетховена, Гёте, Шиллера у нас не запрещали... Кстати, воевали мы тогда против нацистской Германии вместе – кому, как не украинцам, это помнить...

Чтобы обосновать логику отдельного существования украинцев от русских, нужно лишить себя остатков разума: придумать новую антропологию, историю, географию, религию. Пусть это будет откровенный бред – лишь бы был! – и на таком фундаменте можно строить свою идентичность. Мы, я имею в виду украинцев и русских, и пожинаем сейчас кровавые плоды этой каиновой ревности, этой обречённой на крах версии украинства как антимосковитства. Мы... Но, прежде всего, сами украинцы стали её жертвами. Каковы последствия для Украины: деиндустриализация, люмпенизация, деинтеллектуализация бывшей республики, обладавшей могучими промышленностью, наукой, сельским хозяйством, наконец, крах украинской государственности.

Казалось бы, живи и процветай. Но победили необузданные амбиции стать не просто не-Россией, но во что бы то ни стало анти-Россией. Любовь к своему – не ненависть к иному – один из законов “русского мира”, который открыт ко всему доброму, будь то с Запада или Востока, – полностью отвергнут нацистской идеологией, господствующей на Украине. Впрочем, не только на Украине, но и в Прибалтике.

– Чем вы объясните вовлечённость западных стран в “спор славян между собою”? Заботой об Украине? Искренним сочувствием и желанием помочь её народу?

– Западу совершенно безразлична Украина. Уже несколько раз во всеуслышание звучало, что для “цивилизованного мира” эта война имеет экзистенциальное значение. Запад понимает, что наша победа – угроза навязывания всему миру их философии прогресса, интерпретации будущего человечества без всякого нравственного смысла истории и жизни, технического прогресса без нравственных целей. Грех равен добродетели, красота – уродству, смешение и уничтожение всех ценностей и морали, вызов семье как таковой, богоданной природе человека – вот идеал постмодернистской философии, господствующей на Западе.

Мы же для них стали еретиками – обладая современными технологиями, пользуясь плодами научно-технического прогресса, мы не тащим в Средневековье, но твёрдо стоим на сохранении тех ценностей, благодаря которым мы все, в том числе и Запад, родили великую христианскую культуру, обрели смысл исторической жизни, воплотили христианскую идентичность в национальной жизни. Для нас даже после 75 лет принудительного атеизма вера, отечество, честь, долг, любовь – не архаика, а нравственный стержень, камертон смысла и оправдания нашего существования. “Ищите прежде Царствия Божия, а это всё приложится вам” (Мф. 6:33), но для этого искания надо различать добро и зло, грех и добродетель, видеть грань между ними... Это сегодня крамола для идеологов постмодернизма и “открытого общества”, этим и объясняется истерическое агрессивное отторжение России и русского мира. Западная цивилизация предала собственную великую историю и культуру, полностью порывает в своей идеологии со своими христианскими корнями и евангельскими заветами. Тут что-то сродни бешеной ненависти к вере большевиков, с которой они пытались уничтожить любой след учения о Христе в нашей стране.

– Мы-то худо-бедно справились. Точнее, не столько мы сами справились, сколько Бог помог преодолеть этот антихристианский морок. А для западного мира, по вашему мнению, есть надежда?

– Безусловно, она остаётся. Не надо думать, что весь Запад погиб, – такое впечатление может возникнуть, конечно, если читать основные СМИ, которые полностью подконтрольны постмодернистским идеологам. Но мы получаем много писем поддержки от интеллектуалов Западной Европы и США, где видим боль людей от утраты христианских основ, их стремление бороться за них, полное понимание и поддержку России в этой – общей, по их словам, – борьбе. Поверьте, это не высокие слова и уж тем более не дежурная вежливость: люди пишут и говорят то, что они действительно выстрадали, то, за что они всерьёз переживают. Можно смело сказать, что христианский Запад сейчас действительно находится в оккупации у мощной транснациональной постмодернистской когорты. То, что происходит не только в СМИ, но в образовательных учреждениях, в университетах, свидетельствует о всемирном наступлении на христианские ценности и на то представление о человеке, что было во всех цивилизациях. То, что там преподают, ужасает, а во что превратились искусство, западная литература, театр? Там даже классику извращают, всюду меняя интерпретацию героев, подменяя и извращая их побудительные мотивы... А русскую культуру и великую русскую литературу запрещают: в ней нравственная дилемма – это главный нерв. Но такой была и великая классическая западноевропейская литература – её они сейчас клеймят как нетолерантную и устаревшую.

Известно, что на Западе сейчас принимают лишь тех, кто льёт помой на Россию и русских (то ли оправдывая свою стыдливую “эмиграцию”, то ли отработывая гранты). Но вот так, например, закончил своё письмо ко мне знакомый

профессор из Парижа: “Да здравствует свободная Франция, да здравствует свободная Россия!” Он регулярно публикует в интернете своё видение украинского конфликта, и на мой вопрос, не повредит ли ему, если мы переведём и опубликуем его тексты, он ответил: “Честь Франции дороже!” Такие слова вселяют надежду на очищение, возрождение. . .

Если его не произойдёт, то наша Россия сохранит европейцам их собственную прежнюю великую культуру – Шекспира и Шиллера, Флобера и других гениев, но для этого мы, конечно, сами должны оставаться верными своим устоям, православному пониманию долга человека перед Богом и людьми, тем ценностям, что двигали нами веками. Недавно один немецкий журналист с горечью признался мне, что из школьной программы в течение нескольких десятилетий изымали лучшие произведения немецкой и мировой классики, заменяя их аморальными модными поделками. То же происходит в других странах когда-то действительно цивилизованного западного мира. Нынешние руководители Европы ничего общего не имеют ни с историей, ни с преобладающей культурой своих народов. Не только уровень их образования заставляет стыдиться за них – гораздо больше недоумения и горечи вызывает их параноидальная убеждённость в своей правоте и непогрешимости, их нежелание кого-то понять, уважать иные цивилизации. Очень надеюсь, что Россия окончательно и навсегда преодолет искушение “всегда и во всём учиться у Европы”. Чему учиться у “коллективной греты тумберг”, у фанатичных великовозрастных недорослей? Вот почему одна из главных битв сегодня идёт в школе, в системе образования, и не дай нам Бог проиграть эту битву.

– Аркадий Остальский, священномученик, убитый на Бутовском полигоне в 1937 году, “волинский Златоуст”, как его называли, писал: “Никогда не забудем мы святого Киева; никогда и вы, враги России, не сделаете его нерусским, неправославным. Как бы вы ни кричали, как бы вы ни свирепели, но не вам, проклятым трутням, разрушить эту Богом данную твердыню!” Не раз уже было сказано, что передача исконно русских земель “государствам-новоделам”, среди которых и Украина, – ошибка большевиков. Так вот: почему “ленинопад” был именно у “трутней”, а не у нас? “Трутни”-то должны бы памятники Ульянову-Ленину в золоте по периметру своих нынешних границ ставить и камлать вокруг. А теперь мы вынуждены исправлять его фантазии своей кровью.

– Кстати, ваша сентенция – совершенно справедливая, пробудила у меня в памяти один интересный эпизод. В составе небольшой делегации Госдумы я депутатом была в Эстонии, где мы вели официальные переговоры с комитетом по международным делам эстонского парламента. В конце визита у нас была неформальная беседа с бывшим президентом – Ленартом Мери – у него на даче на взморье. Беседа была интеллектуальной и со скрытой пикировкой. И я тогда саркастически уронила, что Эстонии, получившей от большевиков независимость именно в русле ленинской национальной политики, более логично было бы сохранять памятники Ленину, а не свержать их. На что он мне тоже саркастически ответил: “А мы в душе их ещё как сохраняем!” Цинично. . . И в Эстонии, и на Украине уничтожают все коммунистические памятники вовсе не из ненависти к коммунизму! Им нужно стереть все следы общего прошлого наших народов.

Я считаю передачу русских земель в новообразованные республики под эгиду национальных элит, в будущем неизбежно враждебных, ревнивых, неблагодарных, одним из трагических деяний революции. Именно распятие русской национально-религиозной православной ипостаси России и деление страны по национально-религиозному признаку – вот главное преступление пламенных большевиков – носителей самой максималистской версии коммунистического прожектёрства и ненависти к Православию. Не говоря уже о том, что в мире нет примеров успешных федераций, которые были бы созданы разделением ранее единого многовекового государства. А наоборот, объединения бывают и успешными, и жизнеспособными.

Что же касается избавления от слишком большого количества памятников первым большевикам – разрушителям России, – то оно всё-таки уменьшается. Если и сохраняются или ставятся памятники советской истории, то это всё же совсем иные личности – созидатели, защитники страны в войнах. Но в самой России я считаю сегодня наиважнейшей задачей не выяснение

отношений по прошлому (вспомним, как в 90-е нация не могла найти согласия ни по одному вопросу прошлого, настоящего и будущего и совершила одну утрату за другой), а объединение вокруг задач будущего. Не нужен новый разрыв, нужна единая нить нашей многострадальной истории. В первый раз соединение, казалось бы, разорванной навек нити русской и советской истории произошло стихийно, но явно по воле Божьей во время Великой Отечественной войны перед лицом вселенской угрозы самому нашему присутствию в мировой истории. Тогда вместе сражались против общего зла и те, кто революции аплодировал, и те, кто её не принимал или от неё пострадал. Это и есть высота национального самосознания, потому что в этом случае человек руководствуется не сиюминутными эмоциями, а ретроспективой и перспективой своего Отечества. Вспомните, как Рахманинов до изнеможения давал концерты, а гонорары пересылал в СССР, как переживал из-за нападения гитлеровского рейха на нашу страну генерал Деникин. Мне лично рассказыывал академик Никита Ильич Толстой (правнук Л. Н. Толстого), выросший в довоенном Белграде, что среди русской эмиграции в Сербии “пораженцев” – желающих поражения Красной армии – было всего 15–20%, остальные, ненавидя большевизм, желали победы Советской стране, которую они в любом обличье считали Родиной. Вот что такое единый народ, страдающий вместе с Россией, пусть тогда и советской.

Спор о том, плохим или хорошим было наше государство в то время, – неуместен, потому что вселенский вызов был брошен не государству, а Отечеству, а это не тождественные понятия: государство всегда греховно и несовершено, Отечество же – понятие ближе к религиозному. И тогда понимали, что, не защити государство, погибнет и Отечество – не будет никакой России. Воевали не против СССР – стремились уничтожить именно Россию. Речь шла о тотальной “отмене” всего русского и превращении народа в материал: думаю, даже беглое знакомство с нацистской идеологией красноречиво об этом свидетельствует.

Абсолютно с тем же мы столкнулись сегодня: все эти санкции, “отмены” и так далее – это не против РФ, а против России исторической с её способностью выстаивать перед вызовами вселенского масштаба, против равновеликой всему совокупному Западу геополитической величины и против русской исторической личности с вечно самостоятельным поиском смысла исторического бытия. Так я давно написала в своей главной книге моей жизни “Россия и русские в мировой истории” и небольшой книжечке “За что и с кем мы воевали”.

Что же касается памятников ранним большевистским деятелям, то, думаю, большую роль должно играть просвещение, качественное образование и терпение, время. Рубить сплеча, мчаться сломя голову, мне кажется, нельзя. Посмотрите, к чему привёл “ленинопад” на Украине и в других землях... Может быть, к лучшему знанию своей истории или уважению к дореволюционной России? Да нет же! Это было проявление не антикоммунизма, а, как ни парадоксально, истеричной русофобии, желания стереть в памяти нынешнего поколения, не знавшего дореволюционной России, следы недавнего совместного прошлого. “По плодам их узнаете их”: сейчас уже и Пушкин неуместен, и Булгаков, и Жуков, Конев – при чём тут большевики?

– “Мир во что бы то ни стало!” “Компромисс!” Уместны ли сейчас такие призывы?

– Чем больше компромисс, тем больше нас заставят платить, уверяю. Будет по Максимилиану Волошину: “Отдай нас в рабство вновь и навсегда, / чтоб искупить смиренно и глубоко / Иудин грех до Страшного суда!” Мы должны понять, что страна и народ приговорены, и у нас нет другого выхода, кроме как воевать до победы.

– Отказ от уважения к иному, ненависть к нему как доказательство любви и уважения своего – чем это опасно, по вашему мнению?

– Очень грустно, когда видишь, что такая-то страна берёт на себя роль шакала Табаки и считает эту роль в своей политике достойной. Брезгливость и жалость испытываешь, когда видишь, что народ в своей истории не может найти ничего, кроме зоологической ненависти к русским и России, беря за основу существования своего государства десятилетнее сотрудничество части своих “элит” с нацистами. Неужели нынешние прибалтийские республики

не могли найти более достойные опорные пункты для формирования национального проекта и самосознания, чем постоянные заклипания в том, что они — “не Россия”. На ненависти вообще никакого плода не вырастет. В итоге — разрушение не только экономики, что мы видим в этих странах, но и деградация духовных культурных сил любого народа, совершившего грехопадение в ненависть.

— Правильно ли делает Россия, что в ответ на сооружение новой “берлинской стены” на западных границах, на всевозможные визовые войны не закрывает собственные границы, оставляя возможность всем желающим приезжать к нам?

— А зачем нам закрывать границы? Это во времена СССР стеснялись показать наш в чём-то (но отнюдь не во всём) убогий для “победившего социализма” быт, поскольку это противоречило заклипаниям об обязательной экономической победе коммунизма. Через 40 лет после Победы стало уже не совсем убедительным оправдывать скудость преодолением последствий войны. Сейчас же, наоборот, можно и нужно демонстрировать, как Россия “изнывает под гнётом санкций”, восстанавливая собственную экономику. В Москве полны кафе, не купить билеты на концерт, у всех дома тепло, в магазине полно еды. Закрываются тогда, когда есть чего стыдиться, — этим и занимается Запад, который считал себя землёй обетованной для жителей России. Какая судьба у всевозможных “берлинских стен”, мы прекрасно знаем. Глупость, истерика, порождённая бессилием! Пусть поживут, помёрзнут, раз так хочется. Многие приезжающие из ЕС признают, что Россия сейчас куда более свободная страна, чем европейские. Впрочем, это давно уже не новость.

— Но для кого-то и новость — особенно для тех, кто живёт в России “под пятой кровавого режима”. И, разумеется, стремится уехать отсюда. Как вы относитесь к феномену “бегунков”?

— Ну, не надо преувеличивать их масштаб. После того, как дважды за жизнь одной семьи растапывали нашу историю, можно лишь дивиться, как всё же масштабно единство и государственный инстинкт нашего народа. Да, обнажилась червоточина и в народе, и в элите. Но всё же можно сказать, что подавляющее большинство соотечественников как раз никуда не бегут, желая помочь своей стране, будь то в войсках или в тылу. Меня вообще поражает, что, несмотря на годы мощнейшей антирусской пропаганды, внутри России у нас так много людей, которые не поддались ей. То, что происходит сегодня, имеет положительные стороны: убегают из России те, кто с 90-х усвоил идеал неоспричастности к делам своего Отечества. Студенты, что зимой 2021-го собирались на улицах Москвы с какими-то бессодержательными лозунгами, что и в нынешней ситуации мелкими группками пытались необедительно протестовать кое-где, учатся у тех, кого в 90-е учили презирать свое Отечество и его “преступные имперские амбиции”. Мы сейчас пожинаем плоды прошлых лет. Желание таких сбежать вполне закономерно, именно этому их учили десятилетиями. Кто-то из них, истратив все деньги, возвращается; кто-то на себе испытывает за границей непереносимые унижения и осознаёт, что русских предателей там не любят всё равно, потому что они русские. Кто-то понимает, что Россия важнее, чем они думали, и тоже возвращается; кто-то остаётся за границей, руководствуясь лозунгом “ubi bene ibi patria” (где хорошо, там и Отечество), но можно не сомневаться, что новая “patria” покажет им, что значит “bene” на самом деле.

Всё это не ново. Но большинство, мне кажется, молится за Победу, с огромным уважением относится к воинам. Помните, как Шарапов говорил: “Я фронтовой офицер, я не на продуктом складе подбедался!” — вот эти слова сейчас люди очень ценят, по моим наблюдениям.

— Тем не менее вызовы, с которыми столкнулась Россия, страшные. У нас есть возможности преодолеть их, по вашему мнению?

— Да, убеждена! Во-первых, не в первый раз Отечество в опасности, и у России есть опыт её преодоления. Во-вторых, мы, в конце концов, похоже, освобождаемся от убийственной идеологии гедонизма — жизни как источника наслаждений. Такие общества всегда в истории погибали и исчезали,

вспомните Римскую империю. Мы как народ вспоминаем опять о подлинных ценностях, за которые жертвовали жизнью предки – они вновь становятся примером для подражания и воспитания, и это залог Победы в испытаниях. В-третьих, вся наша история доказывает: если русский народ сохраняет потребность в вере, а это обнаружилось после 75 лет принудительного атеизма, он вновь и вновь являет невиданную силу духа и спасает от беды не только самого себя, но и других. Напомню неpolitкорректного Честертона: “Да, много раз – при Арии, при альбигойцах, при гуманистах, при Вольтере, при Дарвине – вера, несомненно, катилась ко всем чертям. **И всякий раз погибали черти**. Каким полным и неожиданным бывало их поражение, мы можем убедиться на собственном нашем примере”. Добавлю: и при нацистах, и при НАТО, и при выродившемся в ценностный нигилизм либерализме. Но сегодня прямо по Честертону “случилось чудо – молодые поверили в Бога, хотя Его забыли старые”!

Сейчас разыгрывается противостояние именно экзистенциального уровня. Если мы сохраним веру, Господь не оставит нас и вдохнёт в нас дух непобедимого национального единства, и можно быть уверенным в повторении чуда, не раз случавшегося с Россией на горе её врагам! В это верю и этого всем нам желаю.

**С Наталией Алексеевной Нарочницкой
беседовал Пётр Давыдов**